

Интервью с Самуилом Зиссером в 2003 г.

Самуил Зиссер:

Меня зовут Самуил Зиссер. Я родился в 1921 году в Риге. Я рижанин во всем. У меня нет одного родного языка, у меня есть несколько родных языков. К ним относятся, в первую очередь, идиш, который является родным языком моего отца, и немецкий, который является родным языком моей матери. Одновременно с этим те несколько языков, которые я знаю, я изучил до четырехлетнего возраста.

Аба Таратута: Включая русский?

С.З.: Нет, не включая русский, потому что русский я выучил в два этапа – когда пришли Советы и нас, соответственно, убрали в разные места не очень благополучные.....

А.Т.: Оказали братскую помощь...

С.З.: Да, оказали братскую помощь. Там я выучил - на очень хорошем уровне – мат русского языка, а потом, когда я попал в театр, и директор театра мне сказал, что одной матерщиной нельзя все-таки обойтись в театральной жизни, тогда мне пришлось заняться учебой по попавшейся мне книге, научной грамматике русского языка, чтобы научиться, как говорят по-русски, на языке, который я по сегодняшний день не до конца освоил. Жена меня постоянно поправляет – и справедливо.

А.Т.: Так у вас есть учитель в доме просто...

С.З.: Безусловно. Единственно, что сегодня поздно немножко меня учить – те же самые ошибки я делаю все время.

А.Т.: А где вы учились?

С.З.: Значит, я учился так: первая моя школа – школа немецкая, я учился в немецкой гимназии, там я проучился 5 лет начальной школы, а потом, поскольку немцы ушли из Латвии, немецкой гимназии больше не стало. Я перешел в ивритскую гимназию. В ивритской гимназии я тоже проучился 5 лет.

А.Т.: То есть вы начали учиться в 1927 году, потом перешли в другую школу в 1932 году...

С.З.: Примерно в 1938 году я ее закончил. Я, правда, в это время знал еще несколько языков. Окончив ивритскую гимназию, я стал великим поклонником французского языка, французской литературы, в особенности, литературы позднего средневековья во Франции. Таких писателей, как Вийон, которого я боготворил, и которого, в конце концов, расстреляли за то, что он кого-то убил, а может быть, его повесили, да, да, повесили. Я еще помню, что он сказал перед смертью, что скоро моя шея узнает, сколько моя задница весит (Самуил произносит ту же фразу по-французски).

Что было дальше? Дальше я, значит, окончил школу, поехал во Францию. Во Франции проучился один сезон. Когда я приехал на каникулы домой, началась

война, и я, естественным образом, на войну не пошел, потому что мой папа был против того, чтобы я стал солдатом, да я и сам не очень рвался на эту должность.

А.Т.: 1939-й год, 1 сентября 1939 года немцы оккупировали Польшу.

С.З.: А в Латвию советские вошли, «наши друзья», Советский Союз – столь гуманные и милые, и добрые, вывезли меня из фашистской оккупации и ввезли меня в советскую оккупацию. То есть, нас привезли в маленькое село, крохотное, где-то 1000 километров к северу по Оби от Новосибирска, да, от Новосибирска, и мы там прекрасно жили. Не очень легко, но все-таки неплохо. Хорошо то, что меня не мобилизовали в армию - ведь шла война. А поскольку меня рассматривали как антисоветский элемент, то меня в армию не брали, и мы как-то это время скротали. Мне очень повезло, ибо где-то в 1943 году, в Колпашево...

А.Т.: 1943-й год – это значит, что вы там уже 5 лет прожили...

С.З.: Нет, не 5 лет, а с 1941 года, ведь война в России началась в 1941-м. Польшу поделили, но Прибалтику оставили. В-общем, я попал туда...

А.Т.: Но это был лагерь?

С.З.: Нет, нет, это была ссылка, а не лагерь. И в то место приехал ссыльный театр. Этот театр состоял из одних ссыльных. Художественный руководитель – фамилия его была Смирнов, помню как сейчас, директор, естественно, партийный, а все остальные были ссыльные. Ну, я с русским языком был еще не очень хорош. Я помню, что помимо того, что я играл там на скрипке, когда надо было, еще делал всякие маленькие работы (перенести, подвинуть и т.д.). Однажды приехал какой-то партийный представитель, чтобы следить за порядком. Он ко мне подходит и спрашивает: - Ну что, как дела? - Дело в шляпе, – отвечаю я ему. Он на меня до того обиделся, еле-еле его смогли убедить, что я не знаю русского языка. Вот, всякие такие эпизодики были. Проработал я там какое-то время, и после того, как заключили мир (в 1945 году), театр перевели в Томск. Последним пароходиком, не пассажирским уже, а последним, который шел между льдинами, образовавшимися уже, нам разрешили – матери моей и мне, потому что отец мой все время был в заключении. Как только пришли Советы – с 1941 года. И матери и мне, на какой-то лодке разрешили тоже приехать в Томск. Вот мы приехали в Томск и там стали работать в театре. Мы получали какой-то литер, по которому мы могли иметь немножко хлеба. Я помню, как какой-то большой начальник, в той же столовой, в которой мы столовались, ел что-то и оставил кусочек хлеба. Мама и я говорили друг другу: «Неужели настанет время, когда и мы оставим кусочек хлеба?»

Вот, такое было время. Сколько оно продолжалось...не очень помню, не очень помню... Вот, я хочу сейчас высчитать, когда же меня посадили, в каком году? Посадили нас вместе с мамой, и получили мы, вместе с мамой и вместе с другими, которые были высланы из каких-то немецких районов, т. е. вместе с немецкими евреями, с которыми мы, кстати, были очень дружны...

А.Т.: Значит, если театр перебрался в Томск в 1945 году, вы еще несколько лет проработали в Томске...

С.З.: Да, и где-то в 1948 или в 1949 году нас посадили (точно год я не помню). Посадили нас...

А.Т.: Измена Родине?

С.З.: Да. Но в связи с отменой смертной казни нам дали по 25 лет – статья 58. Многие подавали прошения, чтобы им дали меньше, их просьбы удовлетворяли, и им снизили с 25 на 10. Я просьбы такой не подавал, но так как им снизили, также снизили и мне.

А.Т.: Видите, какая «гуманная» советская власть, даже без просьбы она вам делала подарки.

С.З.: Ну что вы, без всякой просьбы. Просидел я не очень долго, потому-что появился кто-то, кто сказал, что Сталин делал что-то не так. На К, мне кажется его фамилия...

А.Т.: Косыгин?

С.З.: Этот кто-то на тайном каком-то съезде КПСС объявил о том, что Сталин делал неправильно, то и другое...

А.Т.: Хрущев, что ли?

С.З.: Хрущев? Нет, Хрущев был позднее, мне кажется, а был до него какой-то другой. Хрущев читал что-то?

А.Т.: Да, это был Хрущев, 1956 год – это Хрущев. Реабилитации начались пораньше, но доклад его известный... Так ничего себе, это вы лет 7 отсидели?

С.З.: Мне кажется, лет 5...

А.Т.: Тогда, может быть, вас посадили в 1952 году, потому что волна посадок была в 1949 году, а потом в 1952 году. Но неважно, 5 лет – тоже неплохо.

С.З.: Я не помню. И куда же нас потом? Да. Я же был скрипачом, и моя скрипочка меня хорошо спасала. Значит, допустим, организовали такую группу, которая ездила из одного лагеря в другой и давала там концерты, в том числе и в женских лагерях. Это было очень кстати, потому что девушки там тосковали по мужичкам...

А.Т.: По скрипке, наверное?

С.З.: Да, по скрипке, и скрипки тосковали по девушкам. И там, на одном из лапунктов, я встретил девушку из Риги, дедушка которой молился с моим дедушкой в одной синагоге (т.е. молились они на Рош аШана и в Йом Кипур). И он рассказывал, что он ждет, что поскольку его дочь беременна, что теперь родится мальчик, а родилась девочка. И вот эта Любочка была отдаленной родственницей моей, и мы с ней как-то сразу сроднились, даже когда она была совсем ребенком. Я с этой Любочкой на одном лапункте встретился, и она мне сказала, что у нас беременных матерей освобождали. Вы помните, что было такое?

А. Т.: Да, да, да.

С.З.: Недавно, здесь освободился один еврейский парень, которого она хорошо знала. И она его просила, перед тем как он освободился, что, может быть он ее "забеременеет". Он пытался выполнить ее просьбу, но у него ничего не получилось. Естественно, я предложил свои услуги, но это произошло не сразу, а произошло это несколько позже – ибо мы поженились. Я знал ее с ее рождения, мы были очень сходны, мы были очень похожи по мировоззрению общему (не обязательно политическому, этого не было), по очень многим основам. Она знала те же языки, которые я знал, она воспитывалась в такой же семье, ну и т.д. Мы поженились и чувствовали себя очень хорошо, и были, в общем–то, очень счастливы. Мы прожили до ее смерти, до ее смерти уже здесь, в Израиле. Она..., ей не очень повезло в жизни – ее отца Советы расстреляли. За что - непонятно. Мать сошла с ума на этой почве, очевидно, она поехала куда–то в Сибирь, зимой, и пропала. Люба осталась сиротой. У нее осталась только сестра, которая тоже была в ссылке, но в ссылке в Алексанровске. Это безумно далеко от тех мест, где мы были – от Омска, Томска. Безумно далеко. Мне кажется, что это чуть ли не последнее поселение. Она была очень несчастная, она там с кем–то связалась. У нее было двое детей. Очень хорошие девочки, но без всякого брака, без всего, и как их содержать? В-общем, это было не очень веселое время. А меня, как всегда, выручала скрипка. Был там ссыльный театр... Я про него уже рассказывал?

А. Т.: Да, вы начали. А вот я знаю, что вы были членом Бейтара – правильно?

С.З.: Членом Бейтара я был в Риге, когда был ребенком, юношей.....

А.Т.: То есть, это была молодежная организация?

С.З.: Ну конечно, конечно. Я был членом Бейтара, когда мне было 13-14 лет, что-то в этом роде. Я даже помню, что не только был членом Бейтара, я даже помню, что когда приезжал Жаботинский, нас даже одели в такую "нацистскую" форму с такой штукой, и мы стояли сзади, и он говорил речь свою. Мы стояли сзади и слушали его. Мы все надеялись, что он будет говорить на иврите, но он говорил на хорошем идише. Вот такие дела.....

А.Т.: Это наверно, потом было поводом для ареста, вернее, для ссылки?

С.З.: Нет, нет. Поводом для ареста было то, что мой отец был процветающим лесопромышленником.

А.Т.: А, ну это конечно преступление, это естественно.

С.З.: Вот, мой отец был очень активным деятелем вообще. После того, как мы все освободились в одно и тоже время.

А.Т.: Он тоже был членом Бейтара, отец?

С.З.: Нет, нет он был очень далек от всех этих вещей. Он занимался тем, чтобы прокормить семью, политикой он не занимался. В конечном итоге, мы освободились все вместе, хоть маму послали в одно место, меня в другое, отца в третье. Отец отсидел, в общей сложности, больше 10 лет, потому что его раньше посадили, но все мы встретились в одном и том же месте. Я помню, что когда

папа вышел (а я уже относительно говорил по-русски), папа говорил по-русски хорошо, и я с ним начал говорить по-русски. Вот, вот так, потом, что было потом? Потом я начал учиться в консерватории. До этого тоже была консерватория, но когда я захотел поступить туда при Советах, меня не взяли.

А.Т.: Мы остановились на том, что вы поженились...

С.З.: Я женился на Любе, и у нас очень скоро родился ребенок – мой сын.

А.Т.: Вы были ссыльным тогда еще? Можно было ссыльным жениться?

С.З.: Можно было, можно, причем, мы женились... У меня сохранилось где-то это подтверждение, что мы поженились, из какого-то крохотного села, где-то, потому что мы как раз там были.

А.Т.: Она тоже продолжала быть ссыльной?

С.З.: Да, она продолжала быть ссыльной, но у нее уже не было ни родителей, никого, и даже сестры ее, которая жила в Александровске...

А.Т.: И вы одновременно с ней освободились?

С.З.: Мы одновременно освободились – мама, папа и мы оба, потому что это Хрущев уже освобождал. И договорились, что Люба и я поедem в Новосибирск...или в Томск... Нет, в Новосибирск, кажется уже, потому что мы уже были свободными, и когда мы как-то пристроимся (мы таки поехали в Томск, я сейчас вспомнил), тогда мы вызовем родителей. Они остались вместе в каком-то маленьком месте. Я знал, как оно называется, но забыл сейчас, неважно. В общем, мы освободились, у меня, немножко продолжалось это устройство, потому что мы поехали в Иркутск. Почему в Иркутск, потому что это было лето, и концертные организации были в отпуске, а Иркутский театр музыкальный – работал. Вернее, это был не Иркутский театр, а театр, который гастролировал в Иркутске, меня туда пригласили, и я там месяц проработал. Потом я приехал назад – ведь нужно искать место не только где работать, но и где дадут квартиру. Меня как скрипача все-таки знали, знали по Томску. У меня было много предложений, но одно единственное предложение было с квартирой в Новосибирске. И, естественно, что мы это предложение приняли. Когда мы приехали, мы приехали - это я помню и никогда не забуду - приехали на месяц раньше, чем они нас пригласили. «Почему вы приехали? Квартиры еще у вас нет». И тогда они нам на сцене постелили матрасы, и мы на этих матрасах лежали. Я помню, что кто-то из нас сказал, что так красиво мы еще никогда не жили.

А.Т.: Детей у вас тогда еще не было?

С.З.: Нет, была только беременность. Вот, и сын мой, сын мой родился уже в Новосибирске, где мы получили квартиру, как и было обещано. Поэтому я поехал в Новосибирск, я имел возможность поехать, куда хочу. Квартира была немножко далеко от центра, но очень хорошая. Отдельная квартира с уборной, в которую можно ходить дома, мыться дома, принимать душ дома и вообще....Вот, мы прожили в этой квартире некоторое время, потом поменяли ее на другую, потом на третью, и в конечном итоге, у нас была совершенно шикарная квартира - 4-х

или пятикомнатная. Но были там мама и папа, и мой сын, так это было. Ну вот, в-общем, это и весь рассказ, потому что после этого все шло, как по маслу. Единственно, что отец мой умер до того, как мы уехали из России.

А.Т.: А вы уехали прямо из Новосибирска?

С.З.: Из Новосибирска, да.

А.Т.: А в каком году вы уехали?

С.З.: В 1973 году.

А.Т.: Когда стали выпускать поляков? Потому что я знаю, что поляков выпускали в конце 50-х годов можно было уехать в Польшу, а потом уже...А если в 1973, то вы уже приехали прямо сюда?

С.З.: Да, в 1973 году мы приехали прямо сюда, прямо приехали в Израиль, только не в Иерусалим, сын уже был большой.

А.Т.: В 1973 году оттуда народ ехал более или менее?

С.З.: Не очень, не очень, потому что мне выговор сделала какая-то дама из КГБ. «Как это вы, которые так красиво жили», - не имеет значения.

А.Т.: А здесь, как пошло у Вас дело? Вы же работали тут.

С.З.: Здесь как пошло дело? Люба устроилась на следующий день. Люба была врач. Она была не просто врач, она была кандидат наук. Она сделала кандидатскую в России. Дело было так: поскольку она, сидя в тюрьме, была медсестрой, она хорошо научилась этому делу, потом поступила в университет или в медицинский институт (не знаю, как это называется), окончила его с отличием и тут же сделала кандидатскую, и она уже сюда приехала доктором. Теперь, когда она сюда приехала, то она могла начать работать сразу.

А.Т.: Какой врач она была?

С.З.: Она была врач по профессиональным болезням, и здесь таких было очень немного. Учитывая, что она была кандидатом наук, иврит знала хорошо, английский хорошо, все хорошо, никаких проблем не было уже на второй день. Она очень умела дружить, у нее пол-Израиля были друзья.

А.Т.: Она, наверно, лет на пять была младше?

С.З.: Да, что-то в таком роде, мне кажется, больше, что-то лет на 9.

А.Т.: А вот интересную историю вы тоже рассказывали, что с вами кто-то сидел и в то же время стучал.

С.З.: Он не сидел со мной. Он сидел, потом освободился, пришел к нам рассказать, что он сидел вместе с моим отцом. И вот у нас было свидание с отцом, как раз в это время, я говорю, что к нам пришел такой-то, передал привет от тебя. И мой папа (он был очень умный человек) говорит, что никаких приветов

не передавал. «Ты понял», – говорит он, – «никаких приветов я не передавал». Но было слишком поздно, он на нас наступал, и нас посадили. Другое дело, что мы свое время не отсидели, потому что поменялось положение.

А.Т.: Значит, отец сидел, а вы в этот момент были в ссылке, да?

С.З.: Да, потому что папу сразу посадили. Его привезли в Томск не для того, чтобы нам дать свидание, его допрашивали в Томске в связи с (папа же был финансистом) какими–то английскими (я знал фамилии, но забыл) финансистами, которые были директорами одного латвийского банка. Это был, фактически, английский банк. В связи с этим его и привозили, вот таким образом он оказался в Томске. Но, вообще, с папой было интересно. Папина фамилия была первоначально Зыссер, и он родился в СССР. Его преступление против Советского Союза заключалось в том, что он убежал из Советского Союза, чтобы соединиться с моей мамой и со мной. Он же не имел права выехать из СССР. Мама моя могла выехать, она родилась в Риге, понимаете, а он же родился в СССР, поэтому ему не разрешали выезжать. Он не имел права, но он сбежал в Ригу, сделал фальшивые документы, что он родился в Латвии и стал латвийским гражданином.

А.Т.: Это было еще до женитьбы с матерью?

С.З.: Нет, нет, уже я существовал. Они сошлись в России, потом я родился, потом они поженились, мать со мной приехала в Ригу, потом туда приехал отец. Так вот, фамилия отца была Зыссер, но буквы «ы», в латышском языке не существует, значит, он стал Зиссер, а Зиссера не разыскивали, разыскивали Зыссера. Таким образом, он не попал под розыск, когда потом объединилась Прибалтика с СССР.

А.Т.: Значит, его привезли в Томск на какое–то следствие, и вы получили свидание?

С.З.: Понимаете, я что–то с датами напутал, но приблизительно, картина такая.

А.Т.: И что этот, который на вас стучал, он на суде выступал свидетелем против вас?

С.З.: Да, да, он выступал свидетелем. Нам устроили суд. Суд этот, конечно, был закрытый, там сидели одни гэбэшники. Он выступал свидетелем и одна женщина, паршивая, не потому, что она выступала свидетелем, а паршивая. Выступал свидетелем и директор театра, в котором я работал – еврей. Что он свидетельствовал? Он говорил, что в один из праздников его пригласили и предложили фаршированную рыбу кушать.

А.Т.: Это серьезное дело. А директор был Смирнов, или Смирнов был в той группе? Или это уже был другой театр в Новосибирске?

С.З.: Цейтлин, это был Цейтлин, и театр был серьезный в Новосибирске. Мы с ним после этого встречались.

А.Т.: Он сюда приехал?

С.З.: Не знаю, это было очень давно.

А.Т.: А тот, который стучал, он сюда приехал?

С.З.: Этого я не знаю. Я знаю, что существует его дочка, я знаю человека, который женился на его дочке. Но у него было очень много жен, и он с ней тоже разошелся через какое-то время. Это то, что я знаю.

А.Т.: Спасибо.

Интервью взял Аба Таратута в марте 2003 года.